

УЧЕНЫЙ – ЯВЛЕНИЕ ОСОБОЕ

ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ РАН
В СВЕТЕ РЕФОРМИРОВАНИЯ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКИ

Июнь–декабрь 2013 г.

Владивосток
2014

УДК 001(571.6)

Ученый — явление особое. Дальневосточное отделение РАН в свете реформирования отечественной науки. Июнь—декабрь 2013 г. / Сост. В.В. Шейкина. Владивосток: Дальнаука, 2014. 276 с.

ISBN 978-5-7442-1542-2

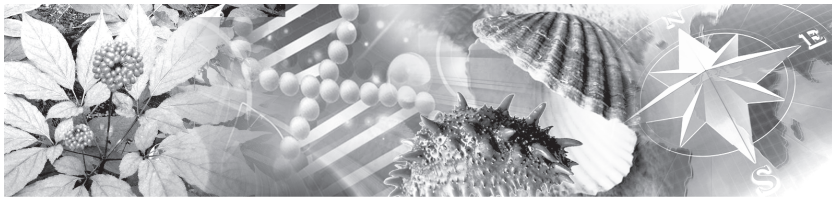
В настоящее издание включены обращения, письма Президиума Российской академии наук, региональных отделений, коллективов научных институтов, Совета молодых ученых, общественных организаций ДВО РАН, а также статьи ведущих российских ученых и известных журналистов, выступивших против предпринятой в 2013 г. кардинальной реорганизации отечественной фундаментальной науки, что, по их мнению, приведет к разрушению и остановке движения России по пути инновационного развития.

Ответственный за выпуск
чл.-корр. РАН В.В. Богатов

Фото Ю. Шубина и информационных агентств

ISBN 978-5-7442-1542-2

© ДВО РАН, 2014

4 августа 2013 г.

В.В. БОГАТОВ
*член-корреспондент РАН,
главный ученый секретарь
Дальневосточного отделения РАН*

ОДИОЗНАЯ РЕФОРМА РАН И ЕЕ СТОРОННИК ПРОФЕССОР СЕВЕРИНОВ

29 июля в интернете было выложено интервью известной журналистки Наталии Деминой с доктором биологических наук, профессором Ратгерского университета (США), зав. лабораторий в Институте молекулярной генетики и Институте биологии гена РАН, руководителем проекта по мегагранту в Санкт-Петербургском государственном политехническом университете Константином Севериновым. Профессор Северинов был представлен как человек, поддерживающий проводимую Правительством РФ скандальную реформу РАН.

http://www.polit.ru/article/2013/07/29/severinov_about_ras_1/

Хочу частично поддержать профессора Северинова в его главном тезисе: «В РАН заниматься наукой плохо и неудобно», кроме одной детали: если мы слово РАН заменим на слово Россия. Говорю это, опираясь на свой многолетний опыт работы заведующим лабораторией в Биолого-почвенном институте Дальневосточного отделения (ДВО) РАН: в России последние четверть века заниматься наукой стало не только «плохо и неудобно», но и не престижно. В свое время Луи Пастер говорил, что «наука должна быть самым возвышенным воплощением Отечества, ибо из всех народов первым будет всегда тот, который опередит другие в

области мысли и умственной деятельности». Как бы не так! В Правительстве даже не скрывают своего «ликования» по поводу уничтожения уникальной по своим возможностям научной организации – Российской академии наук. Этому рад и профессор Северинов – американо-российский молекулярный биолог, волею судеб получивший от Российского государства мегагрант, и, в связи с этим, оказавшийся «в шкуре» обычного заведующего сразу двух лабораторий в двух институтах РАН.

Дорогой профессор, в начале своего интервью Вы заявили следующее: «Так уж случилось, что я принадлежу к группе «эффективных российских ученых, востребованных и известных на Западе» и мне кажется, что результатом воплощения того большого пакета мер, которые предлагает Министерство (имеется в виду Минобрнауки – В. Богатов), будет улучшение условий существования таких ученых как я. Мне кажется, что это скорее улучшит, чем ухудшит положение российской науки. Вместе с тем, эти меры приведут к ухудшению условий существования для очень большого количества балласта, который, к сожалению, есть не только в самой Академии среди ее членов, но и среди самого научного сообщества». Согласен, некоторый «балласт» есть и не только в РАН. Но попробуем представить себе, что РАН уже избавилась от балласта и трансформировалась в другую организацию (в соответствии со статьями нового законопроекта о РАН и пожеланиями мегагрантника Северинова). Будет ли от этого профессору Северинову работать в России комфортнее? Думаю, что в лучшем случае будет также, либо хуже, потому что все основные беды в российской науке идут, все-таки, не от РАН.

Напомню читателям, что сегодня в РАН трудится всего 53 тыс. научных работников (в 60-х годах прошлого века лишь в одной корпорации С. Королева было примерно столько же сотрудников, а таких корпораций только в космической отрасли было несколько) или около 14% всех российских исследователей, на долю которых, кстати, приходится более 54% научных публикаций России. Сегодня РАН – наиболее продуктивная в нашей стране научная организация. Это обстоятельство признают все, в том числе и сам тов. Северинов: «...РАН, как организация, выдает наиболее количество научных статей в России, что тоже правда». И дальше, профессор делает вывод, что: «...все это не меняет того факта, что организация науки в

рамках Академии наук нехороша, и в значительной степени это связано с сущностными дефектами внутренней организации РАН, а не с внешними условиями».

Пока предлагаю отвлечься от «сущностных дефектов» РАН и поговорить немного о финансовой стороне этой госбюджетной организации.

Специалисты знают, что нынешний бюджет РАН составляет всего 64 миллиарда рублей в год, что сопоставимо с бюджетом обычного среднего университета в США. Тем не менее, по авторитетному рейтингу SIR (Scimago Institutions Rankings) РАН занимает третье место по индексу цитируемости в мире после французского CRNS и Китайской академии наук. Кроме того, РАН пока занимает 1-е место среди научных организаций высшего уровня по наиболее цитируемым статьям в области физики, химии и наук о земле и 2-е место – по материаловедению и математике. Если же мы заглянем в базу данных WEB of Science, то легко определим, что РАН действительно до сих пор хорошо заметна на мировой «научной сцене». Но мы также можем отметить, что по многим направлениям научного поиска, в том числе и в некоторых областях биологии, РАН свои позиции сдает.

На мой взгляд, одна из ключевых проблем снижения эффективности РАН связана с низким уровнем и несуразной структурой финансирования. Парадоксально, но на научные работы РАН имеет право тратить только 15% от выделяемой суммы (это катастрофически мало). Остальное съедает коммуналка, зарплата и пр. Такая структура сложилась после недавнего небольшого увеличения зарплаты научным сотрудникам (Правительство провозгласило эту акцию, денег, как всегда, не нашло, поэтому, просто перекроило структуру статей расходов). У нас, конечно, имеется дополнительная возможность получать гранты в Российском фонде фундаментальных исследований (РФФИ). Для тех, кто не в курсе, поясню: средняя сумма гранта РФФИ – 400 тыс. рублей в год, время выполнения гранта – 3 года. Состав рабочих групп, например, в биологии колеблется от 4 до 10 чел. Легко посчитать, что если научная группа состоит, например, из 6 чел., то в месяц на одного человека приходится около 5.5 тыс. рублей. Эту сумму надо еще поделить примерно на 2 (налоги и накладные расходы). Скажите, дорогие мои эксперты, можно ли за такие деньги (меньше 3 тыс. в месяц) провести исследования, достойные ведущих научных журналов? Ну что смеяться-то: ежику

понятно, что если не изменить уровень и структуру финансирования РАН, то никакой демонтаж «сущностных дефектов внутренней организации», тем более, в виде отъема имущества РАН или сведения членов Академии в некие элитные клубы, не смогут поднять научную активность простых ученых.

Дорогой профессор Северинов, Вы же долгое время работали в Америке и в Европе. Вы утверждаете, что Вам «есть с чем сравнить условия научного труда в РАН». Не Вы один бываете в университетах разных стран. Кроме Вас, например, и я долгое время посещал некоторые университеты США. Предлагаю вместе оценить условия труда там и у нас хотя бы по уровню зарплаты. Как Вы думаете, согласится ли талантливый выпускник американского Вуза получать, скажем, по 200–400 долларов в месяц (в 90-е годы зарплата ученых в России была еще ниже)? Вы же знаете, что зарплата старшего научного сотрудника в Москве ниже зарплаты обычного почтальона. Вы же знаете, что не РАН определяет уровень зарплат. Кроме того, Вы должны знать, что, например, в США легко приобрести качественные реактивы, оборудование, арендовать нужный Вам транспорт (мы в ДВО не можем без объявления тендера взять транспорт даже на собственной автобазе), устроить научную конференцию (многие американские города имеют «конвеншн» центры), выписать из-за рубежа и, главное, без проблем растаможить что-нибудь импортное, получить в рядовой университетской библиотеке нужный Вам научный журнал (уму непостижимо, но в этом году библиотека Зоологического института РАН в Санкт-Петербурге впервые за историю своего существования, включая блокадный период, не смогла выписать Зоологический журнал)...

А теперь давайте посмотрим, что делается у нас. Вы, например, получили мегагрант, и, в то же время, заявляете, что Вам у нас не комфортно. Как я Вас понимаю... В 1990-е и первой половине 2000-х годов мне довелось быть соруководителем 3-х «мегагрантов», полученных, между прочим, не от российских налогоплательщиков, а от Национального научного фонда США*. При реализации этих проектов я, также как

* Речь идет о многолетних международных курильском и сахалинском проектах, основной задачей которых было комплексное изучение биологического разнообразия островных экосистем. Впоследствии эксперты ННФ максимально высоко оценили научные и образовательные результаты проектов.

и Вы, испытывал серьезный дискомфорт, только не от РАН, а, как раз, от внешних российских условий.

Мои основные заботы, как российского руководителя работ, были связаны с подготовкой морских экспедиций на научно-исследовательских судах ДВО РАН. Могу отметить, что подготовка и оформление первых 3-х экспедиций не составили для меня особого труда. Основные «беды» начались после организации в 1997 году Министерства науки и технологий РФ (после 2000 г. – Министерство промышленности, науки и технологий). Новой структуре, видимо, не чем было заняться, и лидеры созданного научного штаба придумали себе забаву в виде аккредитации научных учреждений РАН. В то время, кроме заведования лабораторией в БПИ ДВО РАН, я еще работал начальником научно-организационного управления в Президиуме ДВО, на плечи которого и легла вся суeta по аккредитации. Вы даже представить не можете, сколько драгоценного времени было мной и моими сотрудниками потрачено на эту затею. Только мы заканчивали первый круг аккредитации своих 36 научных организаций, как все надо было начинать сначала (по требованию «научного» Министерства аккредитация должна была проводиться 1 раз в 2 года!). На мою беду Министерство обратило свое внимание и на организацию морских научных экспедиций. Были разработаны новые правила их оформления: теперь, вместо нескольких согласований на местах, требовалось написать «труд» примерно на полкило бумаги, затем за год до выхода судна в рейс разослать эти полкило в 8 министерств на согласование (при этом согласование на местах не отменялось). Таким образом, Миннауки умудрилось взвалить дополнительные хлопоты и на своих коллег «по цеху». По завершении столь «ответственной» работы новоявленное Миннауки выдавало документ в виде «Разрешения» (для непосвященных сообщу, что при согласовании морских работ на местах этого документа не требовалось; в рейсах эта бумажка также была ненужна). Параллельно в тот же период «совершенствовалось» законодательство в области таможенных дел. Тот ад, через который я однажды прошел при растаможке контейнера с многочисленным полевым и научным оборудованием американских участников экспедиции, – врагу не пожелаешь. Экспедиция тогда была на грани срыва.

Но совсем уж неожиданные проблемы возникли в начале нового тысячелетия, когда на самом высоком уровне был объявлен инновационный путь развития России. Вслед за этим в Общероссийском классификаторе видов экономической деятельности (ОКВЭД) наука почему-то перестала существовать как самостоятельный вид такой деятельности и переместилась в раздел «К. Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг». Была закрыта программа по интеграции РАН и Вузов. Высшая аттестационная комиссия потеряла свою самостоятельность. Все сложнее стало согласовывать морские научные экспедиции (чаще всего их просто не согласовывали, особенно с участием иностранцев). Наконец, в 2006 году, моя деятельность по соруководству международными мегагрантами вынужденно прекратилась. За год до этого мы с моим коллегой из США получили от ННФ очередной крупный грант, программа которого разрабатывалась почти 5 лет. Предполагалось изучить особенности формирования поселений древнего человека на островах северо-западной Пацифики во взаимосвязи с динамикой биоразнообразия и опасными природными явлениями (землетрясения, цунами, извержения вулканов). Надеюсь, Вы, господин Северинов, не сильно удивитесь, если я скажу Вам, что Российская академия наук нам открыла «зеленую улицу» для осуществления наших планов. К первому рейсу готовилось самое крупное научно-исследовательское судно ДВО РАН «Академик Несмеянов». Оформив на рейс бумажную заявку граммов на 800, мы собирались привлечь к работе только от российской стороны около 70 известных ученых. Наша заявка получила поддержку от Погранвойск, Тихоокеанского флота, Федеральной службы безопасности и прочих ведомств. Но... одно из министерств без каких-либо объяснений настойчиво «посоветовало» нам все исследования проводить в ноябре (?). То есть формально нам не отказали, но в результате абсурдности предложенного, российская часть работ была свернута. За Державу было обидно и стыдно...

Итак, отметим, что как в США, так и в других развитых странах давно созданы условия, обеспечивающие эффективное функционирование научных организаций, независимо от их ведомственной принадлежности. У нас научная деятельность, как мы теперь понимаем, организована более сложно, и эти

сложности не исходят от РАН, эти сложности закреплены на законодательном уровне.

Вы, дорогой профессор, говорили, что не видите «...проблемы с внешним агентством, управляющим недвижимостью и коммуналкой РАН». И далее: «Но ведь противники реформы с самого начала почему-то говорят, что это будет очередной «Оборонсервис» или еще какая-нибудь такая штучка...». Дорогой профессор, конечно, будет (боюсь, что даже наш новый Президент РАН до конца не осознает этого). Просмотрите недавнее заявление Министра финансов России Антона Силуанова о грядущей распродаже имущества РАН (оно выложено в интернете), и Вы все поймете. У нас, кстати, во Владивостоке помимо институтов ДВО РАН имеются ведомственные больницы и два детских садика. Уже нашлись желающие их приватизировать. Например, один из местных журналистов, он же депутат Городской Думы, в частном разговоре со мной заявил, что «мы скоро её (больницу) заберем». Представляете, как повысится производительность труда наших ученых после такого отъёма имущества? А как обрадуются совсем молодые ученые после распродажи детских садиков. Наконец-то им не придется заниматься совсем не свойственной ученым функцией, я имею в виду «воспроизводство» детей. Мы, кроме того, знаем, что научный труд можно еще более оптимизировать, организовав, например, «шарашки» (в 30-е годы прошлого столетия советские ученые в них трудились вполне эффективно).

Дорогой Константин Северинов! Вы, кстати, еще не пробовали что-нибудь в нашей стране внедрить? Если нет, то решите для наглядности поведать Вам один случай из жизни Дальневосточного отделения РАН: недавно владивостокским химикам на основе своих теоретических разработок удалось создать наносорбенты, позволяющие суперэффективно очищать жидкие радиоактивные отходы (ЖРО). Во всем мире это проблема проблем! На лабораторных (!) установках наши коллеги взялись очистить Приморский край от этой «напасти». На базах Тихоокеанского флота всего за несколько лет ими было утилизировано более 10 тыс. тонн ЖРО, а в прошлом году была очищена последняя тонна! Как же не уважать таких людей, как же ими не восхищаться! Однако позволю себе задаться вопросом, а почему, собственно, все это делали ученые? Разве эта функция свойственна ученым? Где было государство, менед-

жеры или совсем не бедный инновационный фонд Чубайса? Почему никто в стране так и не смог взять на себя внедренческие заботы? Думаете, наши химики в «Роснано» (Российская корпорация нанотехнологий) не обращались? Еще как обращались, только получили отказ. У военных в то время что-либо просить было бессмысленно, их самих распродавали. А теперь представим себе, как бы этим уникальным изобретением распорядились бы, например, в Китае? Ответ очевиден. Так, может быть, здесь дело не в неумелом управлении учеными имуществом РАН (согласитесь, что лабораторные установки были использованы по назначению), а в нежелании государства и бизнеса серьезно воспринимать отечественную инновационную деятельность? Неужели Вы думаете, что прописанные в законопроекте меры, в том числе отделение ученых от их имущества, способны повернуть власть и бизнес лицом к инновациям?

Еще одна Ваша цитата: «В моем понимании, и здесь я согласен с Министерством, большая часть науки должна делаться в университетах, ученые должны учить, не в виде исключения, а всегда должны учить, это их работа и обязанность». Почему бы и нет, но зачем ради этой идеи так бездарно «реформировать» РАН? Если у Минобразования появилась необходимость реформировать российскую науку, или возникло желание улучшить её публикационные показатели, то было бы логичней министерству обратить внимание на те учреждения, где с этим делом действительно плохо. Скажем, попробовать у низкоэффективных университетов отобрать имущество, а то, поди, профессора замучились выполнять не свойственную им функцию «по починке унитазов». Кстати, почему бы более широко ни привлечь к работе в Вузах и ученых из РАН? Чуть выше я уже говорил о программе «Интеграция», получившей в России развитие во второй половине 1990-х годов. Хорошо помню это чудесное время. В ведущих вузах Владивостока открывались десятки совместных с ДВО РАН учебно-научных центров, базовых кафедр, совместных лабораторий (большинство из них существуют до сих пор). Это была живая и интересная работа, и не вина РАН, что эта программа в дальнейшем была Минпромнаукой остановлена. В тот период и я получил опыт преподавания в Дальневосточном государственном университете на кафедре геоинформационных систем. За эту работу (по совместительству) платили очень мало, но она не обременяла. Кроме того, была возможность привлекать студентов к научным исследова-

дованиям в своей лаборатории. Затем Правительство в очередной раз «проявило заботу» о профессорско-преподавательской братии, увеличив ей оклады. Все бы хорошо, но одновременно произошло многократное увеличение учебных нагрузок, которые стали мешать моей работе в Институте. Университет пришлось покинуть. Согласитесь, что ученый должен иметь хотя бы минимум времени для научных изысканий. Может быть, в связи с этим, Вы сами прокомментируете учебную нагрузку профессоров в США?

Вы утверждаете, что «...Академия занимается лишь наукой. В тех областях, в которых я профессионально компетентен, выдающихся результатов от научной деятельности академических ученых за последние «—цать» лет крайне мало. Значит, занимаются ею плохо. Причина этого, конечно, в общей организации научной деятельности в России, но Академия никак эти условия изменить не пыталась». Откуда Вы такую информацию об Академии взяли? Конечно пыталась, только стоящие у власти «менеджеры» не проявляли интереса к Академии, у них были иные консультанты... Если же сейчас у Правительства вдруг и возник зуд по поиску более эффективной модели получения новых знаний, то оно должно понимать, что в условиях столь высокой неопределенности не следует ставить эксперимент над всей РАН. Разумней для начала проиграть различные варианты, например, на площадке Сколково: оно же для этого, насколько я знаю, и создано (язык не поворачивается, чтобы для такого опыта предложить имущество Сколково передать в руки специального агентства).

Мне, как заведующему лабораторией академического института, странно было слышать Ваши дифирамбы по поводу Минобрнауки: «В последние годы все, на мой взгляд, разумные начинания (я сейчас не говорю о конкретном воплощении (выделено В. Богатовым), а именно в принципе о попытках изменения ситуации в российской науке) шли от Министерства образования и науки. То есть Министерство, по-моему, полностью перехватило инициативу в деле реформы системы научной деятельности в России, а РАН стояла в стороне». Вот уж с ног, да на голову. Действительно, неистовая активность Министерства в части бюрократизации научной деятельности коснулась каждого. Своими глупостями этот «флагман перестройки» просто затретирил простых ученых. Это и «пилотный» проект, и смена названий институтов (сейчас все мы

имеем приставку «федеральное государственное бюджетное учреждение науки», год назад институты именовались как «учреждения Российской академии наук...»), и изменение форм финансирования (ныне это субсидии), и усложнение отчетности, и изменение времени прохождения плановых заданий (было пять лет, сейчас три года), и пр., пр. В прошлом году чиновники от науки даже «тревел гранты» РФФИ умудрились запретить (гранты, для поездки ученых на научные конференции), посчитав их научным туризмом. Дошло до того, что сегодня на заполнение новой анкеты члена диссертационного совета уже требуется больше времени, чем на написание статьи. Суета сует. Если у Вас будет желание, то могу более подробно рассказать Вам про все эти «министерские потуги»... Кстати, последние оценки, по которым определялись категории институтов РАН и университетов, также проводились по инициативе и критериям Минобрнауки. Помните Ваши слова, что «Академия уже оценила все свои институты как эффективные. Это факт? Факт. Значит, оценка должна быть внешняя. Назовите это агентством, назовите это каким угодно словом, просто будет структура, которая будет это делать. Это плохо? По-моему, это прекрасно». Извините, что так получилось. Не мы разрабатывали критерии, не мы такую акцию затевали и не мы себя в данном случае оценивали. Всю эту операцию проводило любимое Вами Министерство (хорошая идея, взять, да и заменить Минобрнауки на какое-нибудь агентство?).

Мне понятна Ваша озабоченность по сохранению престижности академических званий. В частности, Вы сказали, что «Проблема в том, что среди членов академий очень много плохих ученых или совсем не ученых. Это очень и очень плохо. В этом настоящая трагедия. Это приводит к девальвации академического звания и той самой регрессивной эволюции, в результате которой от академии сохраняется имя, но теряется суть». Не знаю, что Вы понимаете, под словосочетанием «очень много», ведь в этой фразе у Вас речь не о РАН, а об академиях вообще. Мне известно, что в РАН есть несколько членов академии, избранных не по научным, а, скажем так, по политическим соображениям. Но они мало что определяют. Точнее, они в РАН ничего не определяют, поскольку Общие собрания Академии не посещают, или посещают крайне редко. Что делать, и Сталин был членом Академии. Что есть, то есть. В связи

с этим хотелось бы знать Ваше отношение к крайне удивительному положению законопроекта, переводящему членов-корреспондентов всех трех академий в академики? Не берусь судить об остальных нынешних членах-корреспондентах, отвлеку внимание лишь на свою персону. Мне, конечно, приятно, что мои коллеги недавно избрали меня членом-корреспондентом. Они так решили. Думаю, что их решение мне следует в определенной степени рассматривать как некий аванс. Но то, что я могу сказать точно – до академика мне еще расти и расти. Разве такой шаг разработчиков законопроекта не будет способствовать резкой девальвации академического звания?

Несомненно, в РАН есть и организационные проблемы (где их сейчас нет), и нерадивые сотрудники, и откровенные лентяи, вроде родственников господина Жириновского. Такие люди, конечно, не должны задерживаться в науке. Если же говорить о главном, то, на мой взгляд, сегодня у российской научной сферы есть одна серьезная стратегическая проблема, она же и задача: это привлечение в науку талантливой российской молодежи (не просто молодежи, а именно талантливой молодежи), а не временных мегагрантников. Если такая молодежь будет стремиться в науку, то исчезнет «болото», оживут стареющие институты и кафедры. Но чтобы таланты пошли в науку, эта сфера деятельности должна стать необыкновенно привлекательной. Предпринятое же Правительством, так называемое, реформирование РАН убивает надежду на обновление и, по большому счету, ставит под сомнение будущую технологическую независимость России!

В качестве эпилога

На прошедшей неделе во Владивостоке побывали вице-премьер О. Голодец (отвечает в Правительстве за науку) и министр Д. Ливанов. Они переговорили с ректором Дальневосточного федерального университета, посетили больницу, пионерский лагерь, но встретиться с учеными эти «ответственные» товарищи отказались, в том числе отказали во встрече и председателю ДВО РАН академику В.И. Сергиенко, кстати, одному из тех самых ученых, благодаря которым Приморский край был очищен от ЖРО. Та же картина наблюдалась и в Хабаровске: встреча с ректором местного университета, другие визиты, но ни ногой в институты ДВО РАН. Мы для них уже не существуем, мы для них уже просто никто... Для них есть только наше

имущество, состояние которого в дни столь «памятного» визита как раз проверяла Генеральная прокуратура РФ.

Дорогой Константин! Создается впечатление, что Ваши министерские коллеги Вас просто «разводят»... Вас, конечно, можно понять, ведь мегатранты на дороге не валяются. Но есть логика вещей. Эта логика указывает на то, что новая затея Правительства вовсе не направлена на улучшение научной деятельности РАН. Не будем здесь гадать, с чем это на самом деле связано. Важно другое: в очередной раз Правительство преподало российским гражданам урок, как позволительно поступать при проталкивании своих частных, т.е. корпоративных интересов. Вслед за Правительством и законодательная власть в очередной раз расписалась в своей законодательной беспомощности. Жаль, что в таком важнейшем для страны институте власти, как Государственная дума, партийная солидарность доминирующей партии все чаще и чаще стала трансформироваться в «государственную безответственность».